

УДК 82.091

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-152-162>

Сюжетобразующий мотив вины как основа кодирования «Анны Карениной» Л. Н. Толстого в романе О. Памука «Музей невинности»

**Анна Леонидовна Калашникова¹, Екатерина Евгеньевна Ларионова²,
Евгения Юрьевна Поселенова³**

^{1,2,3} *Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия*

¹ *anna.kalashnikova.42@gmail.com*

² *ekaterina.larionova02@mail.ru*

³ *e.poselenova@gmail.com*

Аннотация

Использование литературного кода является одним из ключевых приемов при создании художественной прозы. Турецкий писатель и нобелевский лауреат Орхан Памук в интервью и публичных выступлениях не раз указывал на то, что в процессе работы над своими произведениями, в том числе во время создания романа «Музей невинности», находился в творческом диалоге с наследием Л. Н. Толстого. Назвав русского классика «моделью исторического писателя», О. Памук использует в работе над романом о стамбульской жизни середины 1975-х гг. художественные приемы, присущие прозе Л. Н. Толстого. В ходе сравнительного анализа был рассмотрен характер взаимодействия творческих принципов турецкого писателя с художественной системой русского романиста и было выявлено, что эта связь носит системный характер. В качестве отправной точки кодирования выявлен мотив вины, являющийся ключевым для проблемной организации произведения Памука, равно как и романа Толстого «Анна Каренина». Особое внимание в исследовании уделено характеру реализации мотива вины в эпиграфах к романам, где уже намечается его сюжетобразующая роль. Далее выявляются несколько аспектов функционирования мотива вины в рассматриваемых произведениях: общественное осуждение, отрицание своей вины и желание переложить ее на другого, самоосуждение. Опираясь на проявленные в «кареинском» коде ценностные ориентиры, Памук создает в «Музее невинности» коллизию между собственной виной персонажей и предопределенностью их поступков. В ходе исследования становится очевидным, что историческая обусловленность судеб персонажей в романистике Толстого в прочтении Памуком трансформируется в сюжетную модель. В итоге кодирование как прием не просто программирует различные уровни художественной организации романа Памука, а определяет логику развития сюжета и предрешает его финал. Сюжетобразующий мотив вины в «Музее невинности» под влиянием используемого автором толстовского кода развивается по специфическому сценарию, выходя за пределы обусловленности культурно-исторической обстановки, в которой происходит действие романа.

Ключевые слова: *мотив, сюжет, роман, литературный код, Толстой, Памук*

Для цитирования: Калашникова А. Л., Ларионова Е. Е., Поселенова Е. Ю. Сюжетобразующий мотив вины как основа кодирования «Анны Карениной» Л. Н. Толстого в романе О. Памука «Музей невинности» // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 152–162. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-152-162>

The plot-forming motive of fault as the basis for the “Anna Karenina’s” code in O. Pamuk’s novel “Museum of Innocence”

Anna L. Kalashnikova¹, Ekaterina E. Larionova², Evgeniya Yu. Poselenova³

^{1,2,3} *Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation*

¹ *anna.kalashnikova.42@gmail.com*

² *ekaterina.larionova02@mail.ru*

³ *e.poselenova@gmail.com*

Abstract

The usage of literary code is one of the basic techniques in creating fiction. Turkish writer and Nobel laureate Orhan Pamuk in interviews and public speeches has repeatedly pointed out that in the process of working, including during the creation of the novel “Museum of Innocence”, he was in dialogue with the oeuvre of L. N. Tolstoy.

© А. Л. Калашникова, Е. Е. Ларионова, Е. Ю. Поселенова, 2024

Calling the Russian classic “a model of a historical writer”, Pamuk uses artistic techniques inherent in Tolstoy’s prose in his work on a novel about Istanbul life in the mid-1975’s. In the course of a comparative analysis, the interaction of the creative principles of the Turkish writer with the artistic system of the Russian novelist was examined and it was revealed that this connection is of a systemic nature. As the starting point of coding, the authors of the article identified the motive of guilt, which is key for the problematic organization of Pamuk’s work, as Tolstoy’s novel *Anna Karenina*. Particular attention in the research is paid to the nature of the implementation of the motive of fault in epigraphs to novels, where its plot-forming role is already planned. Next, several aspects of the functioning of the motive of fault in the works in question are revealed: public condemnation, denial of their fault and a desire to shift it to another, self-judgment. Based on the value guidelines shown in the code, Pamuk creates in the “Museum of Innocence” a conflict between the characters’ own fault and the predestination of their actions. In the course of the research, it becomes obvious that the historical conditioning of the fate of the characters in Tolstoy’s novel as understood by Pamuk is transformed into a plot model. As a result, coding as a technique does not just program various levels of the artistic organization of Pamuk’s novel, but determines the logic of the development of the plot and prejudices its ending. The plot-forming motive of guilt in the “Museum of Innocence” under the influence of the Tolstoy code used by the postmodern author develops according to a specific script, going beyond the conditioning of the cultural and historical situation in which the novel takes place.

Keywords: *motive, plot, novel, literary code, Tolstoy, Pamuk*

For citation: Kalashnikova A. L., Larionova E. E., Poselenova E. Yu. Syuzhetoobrazuyushchiy motiv viny kak osnova kodirovaniya “Anny Kareninoy” L. N. Tolstogo v romane O. Pamuka “Muzey nevinnosti” [The plot-forming motive of fault as the basis for the “Anna Karenina’s” code in O. Pamuk’s novel “Museum of Innocence”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 152–162 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-152-162>

Введение

На рубеже XX–XXI вв. событием в литературном мире стала новейшая турецкая проза, представители которой получили название последнего поколения турецкой романистики. Наиболее известным автором этого поколения считается Орхан Памук. Нобелевскую премию, полученную «за то, что в поисках меланхолической души родного города нашел новые символы для столкновения и переплетения культур», он потратил на создание в Стамбуле Музея невинности, названного в честь романа, который был опубликован в 2008 г. Турецкий романист постоянно находится в поисках новых замыслов и идей, и одна из них – создание музея Анны Карениной: «Но я вот думаю: если сделать музей Анны Карениной, поместить туда ее платья... Можно показать в этом музее русскую действительность, которая окружала Анну в 70-х годах XIX века» [1].

О. Памук неоднократно упоминал о том, что русская литература является для него творческим ориентиром. Подтверждением этому может служить многотысячная библиотека писателя, где особое место занимают произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. С. Тургенева и В. В. Набокова. Как утверждает Памук, «когда я счастлив и вижу красоту бытия, во мне оживает частичка Толстого» [2]. В публикации издания «Фонтанка.ру», посвященной презентации романа «Музей невинности» и лекции Памука в «Пушкинском доме»,

упоминается о том, что турецкий романист признался в любви к Толстому и Набокову, сказав, что их романы стали для него путеводной звездой, а затем писатель, находясь в музейных запасниках ИРЛИ, попросил разрешения потрогать рукописи Пушкина, Толстого, Гете. Он объяснил, что тем самым черпает вдохновение и «пополняет свою уникальную «коллекцию» рукописей гениальных писателей, к которым он прикоснулся»¹. В 2016 г. во время вручения премии «Ясная поляна», полученной из рук советника президента РФ по культуре Владимира Толстого – праправнука Л. Н. Толстого – О. Памук сказал, что «Анна Каренина» – «один из самых великих когда-либо написанных романов»². Также он рассказал, что ведет сейчас курсы по творчеству Толстого в Колумбийском университете Нью-Йорка, заключив высказывание фразой о том, что русский классик является для него «моделью исторического писателя» [3]. Основываясь на схеме построения творчества Толстым, он сам организовывал свои произведения подобным образом: остро поднимал семейный и женский вопросы, сближал образы своих персонажей с толстовскими, заимствовал многие сюжетные ходы и мотивы.

¹ В Петербурге Орхан Памук трогал рукописи Пушкина и Толстого // Фонтанка.ру: сайт. URL: <https://www.fontanka.ru/2009/08/31/058/> (дата обращения: 11.04.2023).

² Премию «Ясная поляна» получил турецкий писатель Орхан Памук // Рамблер субботний: сайт. URL: <https://weekend.rambler.ru/items/35169240-premiyu-yasnaya-polyana-poluchil-turetskiy-pisatel-orhan-pamuk/> (дата обращения: 09.05.2022).

В интервью изданию «Деловой Петербург» турецкий писатель напрямую соотносит «Музей невинности» с романом «Анна Каренина». На вопрос об отношении авторов к своим героиням О. Памук отвечает следующее: «Я, как писатель, испытываю нежность к своей героине, но вот Толстой в конце убивает Анну Каренину еще более жестоким образом, чем я свою Фюсун. Но я скажу вам: он не убивал ее! История убила ее»¹. Отметим, что Толстой также создавал свою «Анну Каренину» в литературном диалоге с Г. Флобером, роман которого «Госпожа Бовари» (1856) вызвал широкий общественный резонанс в России. Еще ранее сюжетная схема, построенная на ситуации адюльтера и самоубийства героини, легла в основу драмы А. Н. Островского «Гроза» (1859) и повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (1864), а в 1870-е гг. к ней обращается Толстой, на этапе кризиса переосмысливший свое отношение к семейным ценностям [4, с. 117]. Эти размышления приобретают полемический характер по отношению к позиции, отстаиваемой В. Г. Белинским, В. П. Боткиным, П. В. Анненковыми и нашедшей отражение в творчестве А. В. Дружинина, Н. Г. Чернышевского и других писателей, придерживавшихся социально-демократических взглядов. В отношении женского вопроса, проецирующегося на проблему переосмысления семейных ценностей, позиция западников и демократов сформировалась под влиянием творчества Жорж Санд, воплотившись в одном из наиболее важных для русской действительности XIX в. культурном коде – жорж-сандизме [5]. Именно такие представления о положении женщины и становятся объектом полемики со стороны Толстого, особенно на этапе кризиса в 1970-е гг. [6–8].

Целью настоящей статьи является рассмотрение кодировки романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в «Музее невинности» О. Памука в аспекте сюжетобразующего мотива вины, непосредственно соотносимого с женским вопросом.

Увлеченность О. Памука русской культурой и литературой подталкивает к мысли о необходимости детального изучения влияния наследия Л. Н. Толстого на поэтику произведений турецкого романиста. В тюркоязычной науке исследования поэтики произведений Памука представлены достаточно широко: стоит упомянуть работы S. Akpınar, B. Büşra [9], Ö. G. F. Demir [10], A. Aslanboğa [11], G. Aytaç [12] и др. При этом особое внимание уделяется женскому вопросу в

романах писателя (Т. Yeşilöz [13], E. Demir [14]). Англоязычный вектор изучения творчества турецкого романиста представлен работами Ch. S. N. Lestari [15], E. Hoffmann [16], R. S. Rajan [17], D. Sankar [18], C. Yalkın, L. K. Yanık [19]. Российская литературная критика (Г. Юзефович [20], Л. Биргер [21] и др.) и российское литературоведение (М. М. Репенкова [22], Е. В. Никольский [23], В. П. Макаренко [24], Е. Н. Шевченко [25], Д. В. Дворцова [26], Е. С. Чижова [27]) обращаются к рассмотрению различных аспектов творчества О. Памука. «Русский» литературный код творчества Памука исследуется в работах Е. В. Посоховой [28], Ш. А. Мазанаева, А. М. Бабаевой, Е. А. Гончаровой [29], А. В. Образцова, А. С. Сулеймановой [30]. Но несмотря на прямые отсылки О. Памука к творчеству Л. Н. Толстого, проблема интертекстуального взаимодействия романов «Музей невинности» и «Анна Каренина» до сих пор не была поставлена в литературоведении.

Материал и методы

Основными методами исследования стали культурно-исторический и сравнительно типологический, позволяющие выявить национально-специфичные особенности воплощения мотива вины в русской и турецкой литературе. Кроме того, применяется метод мотивного анализа. Рассмотрение мотива осуществляется в рамках семиотического подхода, выявляется вариативность его семантики в романах Л. Н. Толстого и О. Памука. В то же время учитываются предикативные свойства мотива, его роль в повествовательной структуре и связь с сюжетом изучаемых произведений. Материалом для изучения послужили романы «Анна Каренина» Л. Н. Толстого [31] и «Музей невинности» О. Памука [32].

Результаты исследования

Мотив вины. В произведениях Толстого, таких как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», «Крейцера соната», «Смерть Ивана Ильича», «Живой труп» и т. д., мотив вины приобретает особое значение. А. К. Степаненко указывала на причину драматической коллизии романов Толстого – это «виновность человека и в то же время фаталистическая обусловленность его поведения» [33, с. 11]. Герои оказываются между двумя возможностями: признанием собственной вины и в то же время осознанием неспособности поступить так, как подсказывает совесть. Однако и в том и в другом произведении вина как будто бы отрицается до начала развития сюжета: в заглавии и эпиграфах к романам Памука и Толстого.

¹ Шнуренко И. Орхан Памук: «Мы всегда думаем, что новая буржуазия – это идиоты» // Деловой Петербург: сайт. 2009. URL: https://www.dp.ru/a/2009/09/04/Orhan_Pamuk_Mi_vsegda_d (дата обращения: 10.04.2023).

Русский писатель никому не произносит обвинительный приговор, выбирая в качестве эпиграфа библейскую цитату: «Мне отмщение и Аз воздам». В переписке Толстого с А. А. Фетом есть интересный комментарий к этому: «Знаете ли, что было для меня нынешнее лето? В книге „Мир как воля и представление“ философ писал: „Никакой человек ... не уполномочен выступать в виде чисто морального судьи и воздаятеля и наказывать поступок другого болью, которую он ему причиняет. Следовательно, налагать ему за это покаяние – это было бы скорее в высшей степени заносчивая самонадеянность; отсюда библейское: „Мне отмщение, и Аз воздам“» [31]. Характеристика авторского замысла содержится также в дневнике С. А. Толстой, цитату из которого приводит П. Басинский в «Подлинной истории Анны Карениной»: «Он говорил, что задача его сделать эту женщину только жалкой и невинной» [34, с. 115].

Роман Памука предваряет несколько эпиграфов, образующих систему. Первый из них представляет собой цитату из «записной книжки Джелиля Салика»: «Они были столь чисты, что считали бедность грехом, который им простят, стоит только заработать денег». Это высказывание поднимает темы чистоты и греховности, в то же время религиозное толкование указанных категорий вступает в противоречие с социальными стереотипами, принятыми в высшем обществе. Смысл первого эпиграфа углубляется в следующем: «Если бы некто во время сна побывал в раю и дали б ему цветок в доказательство, что воистину душа его там очутилась, что молвил бы он, пробудившись и узрев цветок в руке своей?» (Из черновиков Сэмюэла Тейлора Колриджа.) Эта мысль предстает как развернутая метафора, которая отсылает к заглавию романа и показывает, что представляет собой Музей невинности. Образ оставшегося в руке цветка символически соединяет в себе все экспонаты музея, которые, в свою очередь, являются свидетельствами того, что человек был в раю. Действительно, главный герой романа Кемаль не раз сравнивает время и пространство, связанные с его возлюбленной Фюсун, с раем, который был ими утрачен («в нашем мире иногда приоткрываются врата в рай» [32, с. 57]; «...ища далекий и призрачный рай» [32, с. 120]; «картинка утраченного рая» [32, с. 186]. Тем самым в эпиграфе концентрируется авторская идея, которая будет развернута в других элементах художественной структуры произведения: подобно Адаму и Еве (Хавве), персонажи Памука «изгоняются» из рая, утрачивая первоначальную невинность. При этом религиозная идея искупления греха (вины), близкая Толстому,

воплощается в образе музея невинности, с которым связаны мечты Кемалья о возвращении в «рай».

Средством обретения утраченного рая становится музейная коллекция, в которой отражается отношение героя к вещам любимой им женщины, подобное тому, что описывается в черновиках стамбульского писателя Ахмета Хамди Танпынара, послуживших источником последнего эпиграфа: «Я рассматривал ее вещицы на туалетном столике: украшения, баночки, безделушки. Прикасался к ним, брал, подносил к глазам. Подержал в руке ее крохотные часики. Ее одежда, ее платья... Вещи, дополняющие каждую женщину, навевали мне чувство невероятного одиночества и боли, и мне захотелось, чтобы она оказалась рядом». Эта фраза соотносится с размышлениями героя о стремлении увековечить свои чувства к любимой женщине посредством окружавших ее вещей. В ходе сюжета Кемаль начинает собирать личные вещи Фюсун, объясняя свой поступок так: «Вещи, которых становилось все больше, постепенно оборачивались символами моей непреходящей любви. Иногда они служили не утешением, напоминая о пережитом счастье, а отзвуками огромной бури, бушевавшей у меня в душе, и их можно было потрогать руками» [32, с. 414]. При этом коллекционирование становится для Кемалья не только утешением, но и своего рода признанием вины, переживанием чувства стыда за совершенные поступки: это одновременно «ответ, утешение и лекарство от некоей тайной боли» [32, с. 571] и то, что ощущается «непроизносимым, постыдным» [32, с. 576], поскольку становится актом саморазоблачения, обрекающего героя на общественное осуждение.

Мотив общественного осуждения. Исповедальный характер романа Памука и концепция диалектики души, воплощенная в «Анне Карениной», создают возможность двойного выражения мотива вины через внутренние переживания героев и обвинения со стороны окружающих. Непримирым обвинителем в обоих романах можно считать общество/высший свет, при этом внутреннее чувство вины присуще не каждому из персонажей. Типологически различаются герои, которые испытывают чувство вины, и те, которые не способны признать свой проступок, поскольку не считают свое поведение преступным.

Один из типов представлен в образе Стивы Облонского, комментирующего ситуацию в своей семье: «И всего ужаснее то, что всему виной я, виной я, а не виноват. В этом-то вся и драма» [31, с. 8]. Схожее неприятие осуждения себя другими можно наблюдать в поведении Кемалья, который, предав Сибель, довольно спокойно реа-

гирует на новость о ее замужестве. Но когда Заим говорит, что Кемаль обидел Сибель, это задевает героя: «То есть ты считаешь, что я виноват, так?» [32, с. 476]. Кемаль сожалеет о том, что несправедливо поступил с Сибель, но не признает своей вины, когда слышит слова осуждения.

Иной тип представляет Анна, которой запрещено появляться в светском обществе, в то время как Вронский, будучи человеком, принадлежащим свету, посещает общественные мероприятия, балы, общается с влиятельными людьми. Однако героиня, наперекор всем препятствиям, отправляется в театр, пробуждая тем самым беспокойство Вронского, ведь «пестрое стадо зрителей» [31, с. 581] могло унижить Анну и подорвать его репутацию. При появлении Карениной в зале повсюду слышались «негодования и удивления женщин, что она позволила себе показаться в свете» [31, с. 583], другие же «любовались спокойствием и красотой этой женщины и не подозревали, что она испытывала чувства человека, выставляемого у позорного столба» [31, с. 583]. Анна слышит фразу Картасовой, которая выразила не только свою позицию, но и отношение общества к Карениной: «Она сказала, что позорно сидеть рядом со мной» [31, с. 585]. Анна, в отличие от своего брата, не оправдывает себя внутренне, хотя сохраняет внешнее спокойствие. У Памука каждый акт наслаждения, каждый миг, проведенный в физической близости, делал Фюсун и Кемаль счастливыми, но в это время в их движениях «иногда проскальзывало осознание тяжести позора, ответственности, угрызения совести за утраченную невинность» [32, с. 59]. Мотив грехопадения в первую очередь касается Фюсун, что обусловлено турецким менталитетом, генетически основанном на мусульманском мировоззрении.

На страницах романа поднимается женский вопрос, который сближает образ светского общества Толстого с традиционалистами Турции времен Памука. Кемаль просит Фюсун никому не говорить, что они занимаются математикой в «Доме Милосердия», ведь все сразу подумают, что одной математикой дело не закончится и начнут разносить слухи. Фюсун в этот момент интересуется: «...в Турции парень с девушкой не могут быть долго вдвоем в одной комнате, как в Европе, чтобы не заняться любовью?» На что Кемаль отвечает: «А если между ними ничего не произойдет, они все равно начнут испытывать чувство вины, так как почувствуют, что не могут спокойно находиться в одной комнате вдвоем» [32, с. 103]. Здесь, с одной стороны, звучит жорж-сандистская мысль героини о возможности свободы в отношениях между женщиной и муж-

чиной, с другой – прослеживается озвученное героем понимание того, что общество осудит и попытается заклеить порочную девушку, будет навязывать чувство вины невиновным. Это формирует в сознании героев Памука вынужденное желание не предавать огласке свою вину, что отражает одну из ключевых мыслей произведения: турецкое общество 1970-х гг., стремящееся выглядеть и вести себя прогрессивно, оказывается не способным в полной мере искоренить патриархальные взгляды.

В начале отношений героев Толстого Вронский не понимал, как Анна «со своею сильною, честною натурой, могла переносить это положение обмана и не желать выйти из него» [31, с. 204]. Каренина в порыве метаний между осознанием потребности любить и в то же время вины за следование своей страсти не готова к тому, что общество будет обсуждать ее измену мужу. Она не понимала, «почему для других, для Бетси, например ... все это было легко, а для нее так мучительно» [31, с. 200], почему все считают ее виноватой. Таким образом, морально-этические мерки – это двойные стандарты, зависящие в том числе от нравственного развития личности. Отсутствие стыда прямо соотносится с возможностью сохранить высокое положение в обществе. Сибель, невеста Кемаль, говорит ему: «Не хочу я больше встречаться с тобой тайком, будто я твоя любовница и в чем-то виновата» [32, с. 19]. То, что они пытаются спрятаться в укромных уголках от лишних глаз, чтобы никто не узнал, что происходит между ними во внебрачных отношениях, тяготит Сибель, будто бы она совершает преступление, за которое ее могут обвинить. Ей тяжело скрываться и обманывать, как было тяжело скрывать правду Вронскому в начале отношений с Анной.

В роли обвинителей выступает не только общество, но и матери главных героев. Кознышев, разговаривая с матерью Вронского, слышит от нее приговор Анне, которая погубила ее сына: «Нет, как ни говорите, самая смерть ее – смерть гадкой женщины без религии. Прости меня Бог, но я не могу не ненавидеть память ее, глядя на погибель сына» [31, с. 822]. Мать Кемаль относится к Фюсун с неодобрением после ее участия в конкурсе красоты. Сын ничего не рассказывал ей о том, что много лет мучился от любви к своей дальней родственнице, и Веджихе, узнав об этом, восклицает: «Я никогда не прощу Несибет, что они с дочкой уже десять лет заставляют терпеть тебя эту пытку» [32, с. 512].

Отрицание своей вины. В ходе развития сюжета обоих романов героини, мучимые личной виной, начинают переносить тяжесть греха на свое-

го возлюбленного. Любовь как чувство, делающее двух людей одним целым, оборачивается здесь стремлением не снять вину с любимого, а навязать ее. Анна чувствует свою причастность к тому, что впечатления Кити от бала были испорчены, но в то же самое время она снимает с себя часть морального груза, говоря: «...я была причиной того, что бал этот был для нее мученьем, а не радостью. Но, право, право, я не виновата или виновата немножко...» [31, с. 108]. Значительно большая вина ложится в глазах Анны на Вронского: «Во всем, что было тяжелого в ее положении, она обвиняла его... В том, что она жила в Москве, а не в деревне, он же был виноват... И опять же он был виноват в том, что она навеки разлучена с сыном» [31, с. 782]. Также и муж Карениной отрицает свою причастность к падению жены, как только узнает о совершившейся измене. В голове у него формулируется тезис: «Я ошибся, связав свою жизнь с нею; но в ошибке моей нет ничего дурного, и потому я не могу быть несчастлив. Виноват не я, – сказал он себе, – но она» [31, с. 298]. В романе Памука складывается похожая ситуация. Кемаль осуждал Фюсун за то, что она вышла замуж за Феридуна, «втайне винил ее за жизнь в Чукурджуме, в этом крысином гнезде среди грязи» [32, с. 584], и теперь не мог «принимать всерьез человека, который так глупо испортил себе жизнь замужеством» [32, с. 584]. Герой начинает перекладывать вину с себя на других, возможно, пытаясь спасти себя от мук совести.

Для героев обоих романов характерно моделирование сценариев, в которых их возлюбленные испытывали бы чувство вины. Так, Анна в момент отчаяния думала о Вронском и представляла «смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, наказать его ... живо представляла себе, что он будет чувствовать, когда ее уже не будет и она будет для него только одно воспоминание» [31, с. 794]. Когда Кемаль становится спонсором съемок фильма Феридуна, он понимает, что Фюсун проявляет дружеские чувства лишь из меркантильных соображений. Это осознание настолько его задевает, что он начинает мысленно представлять, «как Фюсун страдает от наказания и раскаивается» [32, с. 314].

Ближе к финалу романа у Вронского начались сложности во взаимоотношениях с Карениной, которая ревновала его. Он сожалеет о том, что «поставил себя ради нее в тяжелое положение, которое она, вместо того, чтоб облегчить, делает еще более тяжелым» [31, с. 781]. Возникает мотив жертвенности в любви, но, оказывается, эта жертва Анной не оценена, и Вронский досадует о

том, что она была напрасной. В «Музее невинности» перед своей смертью Фюсун обвиняет возлюбленного в загубленной жизни: «Из-за тебя я не смогла жить так, как хотела, Кемаль» [32, с. 551]. Он пытался уберечь ее от грязного мира «Копирки», от похабных режиссеров, которые заглядываются на молоденьких актрис, от всего, что могло ее уничтожить, но сам не понимал, что этой заботой убивает ее мечты. Герои обоих романов не принимают обвинения, и лишь после трагической гибели любимых женщин они осознают свою вину и раскаиваются.

Мотив самоосуждения. Персонажи обоих романов крайне противоречивы в осознании своей вины. Внутренние терзания подталкивают героев оправдать себя и переложить тяжесть проступка на других. Кемаль искренне «страдал от раскаяния и угрызений совести», обманывая Сибель, близкого человека, однако «не решался подойти к ней и попросить прощения, удерживаемый каким-то странным стыдом и смущением» [32, с. 237]. В приведенном эпизоде чувство стыда свидетельствует о признании вины, это вызывает эмоциональное опустошение героя, но не приводит к решительным действиям: «...я так устал от чувства вины перед ней, от ощущения обмана...» [32, с. 241]. Кемаль не может поговорить по душам с Сибель, потому что не способен преодолеть внутреннее противоречие и искренне раскаяться. В романе Толстого Анна Каренина поддалась желаниям своего сердца, которое стремилось к любви, в результате чего «чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощения» [31, с. 160]. Она внутренне осознавала свое грехопадение, но не была готова к открытому покаянию, признанию своей вины перед мужем, поэтому на публике она демонстрирует бесстыдство, чем вызывает общественное осуждение. Во время ссоры Анны Карениной с мужем из уст героини звучат слова: «Раскаиваюсь я в том, что сделала? Нет, нет и нет» [31, с. 578]. Однако она, желая написать мужу о том, что уезжает и забирает с собой сына, заканчивает письмо фразой: «Говорить о своей вине и своем раскаянии я не могу, потому что...» [31, с. 310], – а затем рвет письмо.

Важен в рассмотрении мотива вины эпизод, когда Долли, однажды приехав в деревню к Анне, «была поражена тою временною красотой, которая только в минуты любви бывает на женщинах и которую она застала теперь на ее лице» [31, с. 649–650]. Сама Анна таким образом описывала свое состояние: «Стыдно признаться, но я непростительно счастлива» [31, с. 651]. Подобное отношение к преступному счастью характер-

но и для главного героя Памука. Чувство вины хоть и тяготит Кемалья, однако предвкушение счастья с Фюсун после ее расставания с Феридуном умиротворяет его мучения: «Я чувствовал себя виноватым, но предвкушал ощущение счастья. Фюсун станет моей» [32, с. 445].

Смерть героинь в обоих романах не снимает чувства вины с их возлюбленных, не примиряет этих героев с собой. Вронский перед отъездом в Сербию смотрит на рельсы, и «общая мучительная внутренняя неловкость» [31, с. 824] заставляет его вспомнить Анну «таинственную, прелестную, любящую, ищущую и дающую счастье, а не жестоко-мстительную, какую она вспоминалась ему в последнюю минуту» [31, с. 824]. Несмотря на то, что с железной дорогой теперь связаны трагические воспоминания, Вронский помнит, что когда-то на перроне произошло его сближение с Анной. Однако ему так и не удается удержать в сознании романтический образ возлюбленной, теперь «он помнил ее только торжествующую, свершившуюся угрозу никому ненужного, но неизгладимого раскаяния» [31, с. 824]. Желание вернуть ощущение счастья, которое наполняло их с Фюсун в самом начале их отношений, возникает и у героя Памука. После смерти возлюбленной Кемаль так же, как и герой Толстого, уезжает, отправляясь посетить музеи разных стран, посмотреть и оценить особенности каждого из них для того, чтобы создать свой музей, где вещи умеют утешать. Сам он считал: «Мое путешествие – навязчивая идея, вызванная тем, что я не заметил сережек Фюсун и хочу искупить свой грех» [32, с. 576]. Музей становится для героя не только источником воспоминаний о любимой, но и возможностью искупления вины.

Заключение

Мотив вины играет ключевую роль в сюжете романов Толстого и Памука, становясь источником как внутреннего, так и внешнего конфликта. Вариативность мотива вины отражает динамику трансформации душевного мира героев и их отношений с другими персонажами: мысль о собственной виновности, страх перед общественным

порицанием, отрицание вины и самоосуждение определяют движение сюжета к трагическому финалу. Детально сопоставив романы «Музей невинности» и «Анна Каренина» в аспекте проявленности в них мотива вины, можно сделать вывод о том, что Памук создавал романную действительность «Музея невинности» под влиянием творчества Толстого. Имея репутацию писателя-западника, Памук подвергает взгляды на положение женщины в обществе серьезному переосмыслению. Мотив вины в романе О. Памука раскрывается под влиянием используемого автором толстовского кода: с одной стороны, герои желают обретения «западной» свободы в любви, но в то же время осознают безнравственность своих поступков и склонны к самоосуждению. При этом реакцией на общественное порицание становится стремление переложить вину на другого, а раскаяние приходит к героям перед лицом смерти. Нравственно-философская концепция Толстого, воплощенная в «Анне Карениной», делает счастливый финал истории Анны и Вронского заведомо невозможным. В финале «Музея невинности», построенного на иной морально-этической основе, возможен альтернативный исход: преодоление внешних препятствий открывает для героев путь к счастливому браку. Однако, опираясь на толстовский код, Памук не отступил от фаталистически predetermined завершения романа. Фюсун, на протяжении большей части сюжета демонстрировавшая взгляды близкие *femme émancipée*, в финале оказывается неспособной продолжать путь и завершает жизнь, подобно Анне Карениной или героиням Островского и Лескова. Чувства Кемалья и Фюсун, возникшие и развивавшиеся в оппозиции к латентной патриархальности современного им турецкого общества, не могут получить продолжения в ситуации соответствия законам этой ценностной парадигмы. Реконструкция литературного кода углубляет понимание проблематики, мотивной и сюжетной систем романа О. Памука «Музей невинности» и позволяет сделать вклад в изучение проблемы диалога русско-турецкой художественной словесности.

Список источников

1. Рутковская А. Аполлинария Аврутина: Я хотела переводить – и да, я перевожу книжки // Общественный контроль. URL: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/8406-apolinariya-avrutina-ya-khotela-perevodit-i-da-ya-perevozhku-knizhki.html> (дата обращения: 10.05.2022).
2. Дымов А. Орхан Великолепный // Fond-adygi.ru Информационный портал фонда черкесской культуры «Адыги» им. Ю. Х. Калмыкова. URL: <http://fond-adygi.ru/page/orhan-velikolepnyj> (дата обращения: 09.05.2022).
3. Басинский П. В. Манифест для баловня судьбы // Российская газета. Вып. 40 (7206). 2017. URL: <https://rg.ru/2017/02/25/orhan-pamuk-tolstoj-iavliaetsia-dlia-menia-modeliu-istoricheskogo-pisatelja.html> (дата обращения: 09.05.2022).

4. Калашникова А. Л., Поселенова Е. Ю. Наследие кузбасских коммунаров в контексте современного исследования творчества Л. Н. Толстого // Сибирский филол. журнал. 2020. № 1. С. 114–121. doi: 10.17223/18137083/70/8
5. Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века: (мифы и реальность): 1830–1860 гг. Томск: ТГПУ, 1998. 410 с.
6. Билинкис Я. С. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и русская литература 1870-х годов. Лекция. Л., 1970. 71 с.
7. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Худож. лит., 1974. 358 с.
8. Шенюл А. О. Мотив домостроительства в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в контексте проблемы «Россия и Европа» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 105–113.
9. Akınar S., Büşra B. Orhan Pamukromanlarında «öteki» // Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi. 2017. № 5 (11). P. 330–344.
10. Demir Ö. G. F. Orhan Pamuk'un Masumiyet Müzesi romanında baba-oğul ilişkisi // Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2009. № 18 (2). P. 145–155.
11. Aslanboğa A. Masumiyet Müzesi Romanı'nda Modernizm-Gelenek algısı // Electronic Turkish Studies. 2011. № 6 (3). P. 1645–1652.
12. Aytaç G. Çağdaş Türk Romanları Üzerine İncelemeler. Ankara: Gündoğan yayınları, 1999. 384 s.
13. Yeşilöz T. Orhan Pamuk'un Masumiyet Müzesi ve Erkek Hegemonyasının Görünümleri // Karamanoğlu Mehmetbey Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. 2021. № 4 (2). P. 306–315. doi: 10.47948/efad.997079
14. Demir E. Toplumsal Cinsiyet Bağlamında Kadının Siyasetteki Rolü ve Önemi // Abay Kunanbayev Anısına Türkiye Ve Türk Dünyası Araştırmaları-III içinde. Gaziantep, İKSAD Publishing House, 2020. P. 833–863.
15. Lestari Ch. S. N., Wardhono A. Cohesive devices appearing on Kemal's utterances in Orhan Pamuk's novel The Museum of Innocence // Journal of Applied Studies in Language. 2022. Vol. 6, № 1. P. 90–99. doi:10.31940/jasl.v6i1.390
16. Hoffmann E. «Innocent objects»: Fetishism and melancholia in Orhan Pamuk's The Museum of Innocence // Konturen. 2015. № 8. P. 155–176. doi:10.5399/uo/konturen.8.0.3715
17. Rajan R. S. Ticket to a Museum: Reading Orhan Pamuk in Our Times // Novel: A Forum on Fiction. 2022. Vol. 55, № 3. P. 518–546. doi: 10.1215/00295132-10007565
18. Sankar D. Of trauma and happiness: Orhan Pamuk's The Museum of Innocence // Psychoanalysis, Culture and Society. 2022. Vol. 27, № 1. P. 56–70. doi: 10.1057/s41282-022-00277-1
19. Yalkın C., Yanık L. K. Entrenching geopolitical imaginations: brand(ing) Turkey through Orhan Pamuk // Journal of International Relations and Development. 2020. Vol. 23, № 2. P. 339–358. doi: 10.1057/s41268-018-0153-1
20. Юзефович Г. Л. Удивительные приключения рыбы-лоцмана. М.: АСТ, 2016. 416 с.
21. Биргер Л. Орхан Памук в пяти с половиной книгах // Правила жизни. URL: <https://www.pravilamag.ru/hero/675852-orhan-pamuk-v-ryati-s-polovinoj-knigah/> (дата обращения: 21.03.2023).
22. Репенкова М. М. Концепция личности в романистике Орхана Памука // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12. (78), ч. 3. С. 50–53.
23. Никольский Е. В. Образ «лишнего человека» в контексте проблематики романа Орхана Памука «Снег» // Studia Humanitatis. 2016. № 3. URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/nikolsky_12.pdf (дата обращения: 21.03.2023).
24. Макаренко В. П. Город как судьба: взгляд нобелевского лауреата Орхана Памука на родной Стамбул // Гуманитарий Юга России. 2012. № 3 С. 163–183.
25. Шевченко Е. Н. Образ Стамбула в романе Орхана Памука «Меня зовут Красный» // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 312–316.
26. Дворцова Д. В. Основные проблемы самоидентификации Турецкой республики в контексте дихотомии «Восток–Запад» (на основе анализа творчества О. Памука) // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2016. № 42. С. 62–66.
27. Чижова Е. С. «Аллаху принадлежит и Восток, и Запад...». Орхан Памук // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 279–296.
28. Посохова Е. В. Идеинный диалогизм и интертекстуальность в романах Орхана Памука // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. 2011. №3. С. 213–223.
29. Мазанаев Ш. А., Бабаева А. М., Гончарова Е. А. Диалог культур в сюжете романа Орхана Памука «Рыжеволосая женщина» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 35, № 1. С. 29–35. doi: 10.21779/2542-0313-2020-35-1-29-35

30. Образцов А. В., Сулейманова А. С. В лабиринте интертекста: Орхан Памук и Лев Толстой // Alkiš Bitig. Scriptainhonorem D. M. Nasilov: сб. ст. к 80-летию Д. М. Насилова. М.: Изд-во МБА, 2015. С. 419–427.
31. Толстой Л. Н. Анна Каренина. СПб.: Азбука–Аттикус, 2022. 864 с.
32. Памук О. Музей невинности / пер. с тур. А. Аврутиной. СПб.: Азбука–Аттикус, 2021. 608 с.
33. Степаненко А. К. Сюжетно-композиционная структура романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 19 с.
34. Басинский П. В. Подлинная история Анны Карениной. М.: АСТ, 2022. 384 с.

References

1. Rutkovskaya A. *Apollinariya Avrutina: Ya khotela perevodit – i da, ya perevozhku knizhki* [Apollinaria Avrutina: I wanted to translate – and yes, I translate books] (in Russian). URL: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/8406-apollinariya-avrutina-ya-khotela-perevodit-i-da-ya-perevozhku-knizhki.html> (accessed 10 May 2022).
2. Dymov A. *Orkhan Velikolepnyy* [Orhan the Magnificent] (in Russian). URL: <http://fond-adygi.ru/page/orhan-velikolepnyy> (accessed 09 May 2022).
3. Basinskiy P. V. Manifest dlya balovnya sud'by [Manifesto for the pampering of fate]. *Rossiyskaya gazeta*, 2017, no. 40 (7206). (in Russian). URL: <https://rg.ru/2017/02/25/orhan-pamuk-tolstoj-iavliaetsia-dlia-menia-modeliu-istoricheskogo-pisatelja.html> (accessed 09 May 2022).
4. Kalashnikova A. L., Poselenova E. Yu. Naslediye kuzbasskikh kommunarov v kontekste sovremennogo issledovaniya tvorchestva L. N. Tolstogo [The heritage of the Kuzbass Communards in the context of a modern study of the work of L. N. Tolstoy]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 1, pp. 114–121. doi: 10.17223/18137083/70/8 (in Russian).
5. Kafanova O. B. *Zhorzh Sand i russkaya literatura XIX veka: (mify i real'nost'): 1830–1860-gg.* [George Sand and 19th-century Russian literature: (myths and reality): 1830–1860 s]. Tomsk, TSPU Publ., 1998. 410 p. (in Russian).
6. Bilinkis Ya. S. “Anna Karenina” L. N. Tolstogo i russkaya literatura 1870-kh godov. *Leksiya* [“Anna Karenina” by L. N. Tolstoy and Russian literature of the 1870s. Lecture]. Leningrad, 1970. 71 p. (in Russian).
7. Eykhenbaum B. M. *Lev Tolstoy. Semidesyatye gody* [Leo Tolstoy. Seventies]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1974. 358 p. (in Russian).
8. Shenol A. O. Motiv domostroitel'stva v romane L. N. Tolstogo “Anna Karenina” v kontekste problemy “Rossiya i Evropa” [The motive of housing construction in the novel by L. N. Tolstoy “Anna Karenina” in the context of the problem “Russia and Europe”]. *Vestnik MGOU. Seriya: Russian filology – Bulletin of Moscow state regional university. Series “Russian Philology”*, 2017, no. 1, pp. 105–113 (in Russian).
9. Akpınar S., Büşra B. Orhan Pamuk romanlarında “öteki”. *Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi*, 2017, no. 5 (11), pp. 330–344 (in Turkish).
10. Demir Ö. G. F. Orhan Pamuk'un Masumiyet Müzesi romanında baba-oğul ilişkisi. *Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 2009, no. 18 (2), pp. 145–155.
11. Aslanboğa A. Masumiyet Müzesi Romanı'nda Modernizm-Gelenek algısı. *Electronic Turkish Studies*, 2011, no. 6 (3), pp. 1645–1652.
12. Aytaç G. *Çağdaş Türk Romanları Üzerine İncelemeler*. Ankara: Gündoğan yayınları, 1999. 384 pp..
13. Yeşilöz T. Orhan Pamuk'un Masumiyet Müzesi ve Erkek Hegemonyasının Görünümleri. *Karamanoğlu Mehmetbey Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi*, 2021, no. 4 (2), pp. 306–315. doi: <https://doi.org/10.47948/efad.997079>
14. Demir E. Toplumsal Cinsiyet Bağlamında Kadının Siyasetteki Rolü ve Önemi. *Abay Kunanbayev Anısına Türkiye Ve Türk Dünyası Araştırmaları-III içinde*. Gaziantep. İKSAD Publishing House, 2020. Pp. 833–863.
15. Lestari Ch. S. N., Wardhono A. Cohesive devices appearing on Kemal's utterances in Orhan Pamuk's novel The Museum of Innocence. *Journal of Applied Studies in Language*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 90–99. doi: 10.31940/jasl.v6i1.390
16. Hoffmann E. “Innocent objects”: Fetishism and melancholia in Orhan Pamuk's The Museum of Innocence. *Konturen*, 2015, no. 8, pp. 155–176. doi: 10.5399/uo/konturen.8.0.3715
17. Rajan R. S. Ticket to a Museum: Reading Orhan Pamuk in Our Times. *Novel: A Forum on Fiction*, 2022, vol. 55, no. 3, pp. 518–546. doi: 10.1215/00295132-10007565

18. Sankar D. Of trauma and happiness: Orhan Pamuk's The Museum of Innocence. *Psychoanalysis, Culture and Society*, 2022, vol. 27, no. 1, pp. 56–70. doi: 10.1057/s41282-022-00277-1
19. Yalkin C., Yanik L. K. Entrenching geopolitical imaginations: brand(ing) Turkey through Orhan Pamuk. *Journal of International Relations and Development*, 2020, vol. 23, no. 2, pp. 339–358. doi: 10.1057/s41268-018-0153-1
20. Yuzefovich G. L. *Udivitelnyye priklyucheniya ryby-lotsmana* [The amazing adventures of a pilot fish]. Moscow, AST Publ., 2016. 416 p. (in Russian).
21. Birger L. *Orkhan Pamuk v pyati s polovinoi knigakh* [Orhan Pamuk in five and a half books] (in Russian). URL: <https://www.pravilamag.ru/hero/675852-orhan-pamuk-v-pyati-s-polovinoi-knigah/> (accessed 21 May 2022).
22. Repenkova M. M. Kontsepsiya lichnosti v romanistike Orkhana Pamuka [The concept of personality in the romance of Orhan Pamuk]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2017, no. 12 (78), vol. 3, pp. 50–53 (in Russian).
23. Nikolskiy E. V. Obraz “lishnego cheloveka” v kontekste problematiki romana Orkhana Pamuka “Sneg” [The image of an “extra person” in the context of the problems of Orhan Pamuk’s novel “Snow”]. *Studia Humanitatis*, 2016, no. 3 (in Russian). URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/nikolsky_12.pdf (accessed 21 May 2023)
24. Makarenko V. P. Gorod kak sud’ba: vzglyad nobelevskogo laureata Orkhana Pamuka na rodnoy Stambul [City as fate: Nobel laureate Orhan Pamuk’s take on his native Istanbul]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2012, no. 3, pp. 163–183 (in Russian).
25. Shevchenko E. N. Obraz Stambula v romane Orkhana Pamuka “Menya zovut Krasnyy” [The image of Istanbul in Orhan Pamuk’s novel “My Name is Red”]. *Filologiya i kultura*, 2016, no. 2 (44), p. 312–316 (in Russian).
26. Dvortsova D. V. Osnovnyye problemy samoidentifikatsii Turetskoy respubliki v kontekste dikhotomii “Vostok–Zapad” (na osnove analiza tvorchestva O. Pamuka) [The main problems of self-identification of the Turkish Republic in the context of the East–West dichotomy (based on an analysis of the work of O. Pamuk)]. *Sborniki konferentsiy NITS “Sotsiosfera”*, 2016, no. 42, pp. 62–66 (in Russian).
27. Chizhova E. S. “Allakhu prinadlezhit i Vostok, i Zapad...”. Orkhan Pamuk [“Allah belongs to both East and West...”. Orhan Pamuk]. *Voprosy literatury*, 2010, no. 3, pp. 279–296 (in Russian).
28. Posokhova E. V. Ideyny dialogizm i intertekstualnost’ v romanakh Orkhana Pamuka [Ideological dialogism and intertextuality in Orhan Pamuk’s novels]. *Mirovaya literatura na perekrestye kul’tur i tsivilizatsiy*, 2011, no. 3, pp. 213–223 (in Russian).
29. Mazanayev Sh. A., Babayeva A. M., Goncharova E. A. Dialog kul’tur v syuzhete romana Orkhana Pamuka “Ryzhevolosaya zhenshchina” [Dialogue of cultures in the plot of Orhan Pamuk’s novel “The Red-Haired Woman”]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*. 2020, vol. 35, no. 1, pp. 29–35. doi: OI 10.21779/2542-0313-2020-35-1-29-35 (in Russian).
30. Obraztsov A. V., Suleymanova A. S. V labirinte interteksta: Orkhan Pamuk i Lev Tolstoy [In the intertext maze: Orhan Pamuk and Leo Tolstoy]. *Alkiš Bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov: sbornik statey k 80-letiyu D. M. Nasilova* [Alkiš Bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov: collection of articles for the 80th anniversary of D. M. Nasilov]. Moscow, Izdatel’stvo MBA Publ., 2015. Pp. 419–427 (in Russian).
31. Tolstoy L. N. *Anna Karenina* [Anna Karenina]. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2022. 864 p. (in Russian).
32. Pamuk O. *Muzey nevinosti* [Museum of Innocence]. Translation from Turkish by A. Avrutina. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 608 p. (in Russian).
33. Stepanenko A. K. *Syuzhetno-kompozitsionnaya struktura romana L. N. Tolstogo “Anna Karenina”*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Plot and compositional structure of the novel by L. N. Tolstoy “Anna Karenina”]. Makhachkala, 2005. 19 p. (in Russian).
34. Basinskiy P. V. *Podlinnaya istoriya Anny Kareninoy* [The True Story of Anna Karenina]. Moscow, AST Publ., 2022. 384 p. (in Russian).

Информация об авторах

Калашникова А. Л., доцент, Кемеровский государственный университет (пр. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650000).
E-mail: anna.kalashnikova.42@gmail.com

Ларионова Е. Е., студент, Кемеровский государственный университет (пр. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650000).
E-mail: ekaterina.larionova02@mail.ru

Поселенова Е. Ю., доцент, Кемеровский государственный университет (пр. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650000).
E-mail: e.poselenova@gmail.com

Information about the authors

Kalashnikova A. L., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University (ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000).

E-mail: anna.kalashnikova.42@gmail.com

Larionova E. E., undergraduate student, Kemerovo State University (ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000).

E-mail: ekaterina.larionova02@mail.ru

Poselenova E. Yu., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University (ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000).

E-mail: e.poselenova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 25.04.2024; accepted for publication 01.10.2024